

релов и в г. Твери языковые курсы, а также развитие интернет-площадок по обучению тверскому карельскому языку.⁸⁴

Связь истории языка с историей народа очевидна. Сложение тверских диалектов карельского языка — довольно непростой и многогранный процесс, отражающий не менее сложную историю народа, проживающего в Верхневолжье уже на протяжении четырех столетий. Языковое наследие тверских карелов, к которому наряду с памятниками письменности XVII — начала XX вв. относятся диалектные материалы, собираемые лингвистами и фольклористами, начиная с середины XIX в., является уникальным звеном в процессе исследования истории карельского языка, его исторических грамматики, лексикологии и диалектологии. Хронологические рамки создания языковых памятников и проведения полевых исследований в регионе, могут позволить восстановить историю языка тверских карелов с момента их массового переселения на новую родину до сегодняшнего дня. Сравнительно-исторический анализ имеющихся источников поможет определить явления, не нашедшие продолжения на том или ином этапе развития языка, а также инновационные черты, возникшие в нем в недавнем прошлом.

Графо-фонетическая, фонологическая и словоизменительная системы карельско-русского словаря в «Цветнике» Прохора Коломнятина

Карельско-русская словарная запись, представленная в «Цветнике» Прохора Коломнятина, имеет заглавие «Сказаніе о преведеніи корѣльскаго реченіа на словескій» и датируется 1668 г. Предположительно она была записана книжником в Верхневолжье от выходцев с Карельского перешейка.⁸⁵ Расселение карелов проходило далеко за пределы ареала их современного компактного проживания в Тверской области. В различных источниках имеются, например, сведения об «угличских» (Ярославская обл.), «медынских» (Калужская обл.), «моршанских» (Тамбовская обл.) карелах. В языковом отношении

⁸⁴ Словари тверского карельского языка (<https://punzhina.krc.karelia.ru/> и <http://lexicon.fedotochkin.ru/>), сайт с обучающим материалом (<https://luadie.ru/>), упражнения по фонетике (<https://opastajat.net/opastus/lugemine/tver.html>) и др.

⁸⁵ См. с. 39 наст. изд.

все эти говоры в XVII в. были, очевидно, идентичны, поскольку представляли собой речь выходцев из Корельского уезда, попавших в русскоязычное окружение, но не успевших к моменту составления памятника ощутить существенного влияния со стороны русского языка. Вместе с тем, некоторые особенности словаря дают основания для предположения о том, что запись могла быть сделана и на Карельском перешейке (см. ниже).

Словарь составлен по понятийно-тематическому принципу. Словарные статьи (525 статей, включающих 595 лексем) собраны в двадцать глав: «О небе(с)номъ» — небесные тела и погодные явления; «Сказаніе о́ временáхъ» — времена года и дни недели; «Сказа(н)е о́ чело́вѣкѣ» — части человеческого тела; «Сказáніе о́ пор́та(х)» — одежда, обувь и швейное дело; «Сказа(н)е о́ родослѣ́вій» — родственные отношения; «Сказáніе о́ снѣ́(д)ныхъ брашна(х)» — пища и ее приготовление; «Сказáніе о́ ры́бахъ» — рыбы и среда их обитания; «Сказаніе о́ дворово(м) строеній» — дом и дворовое строение; «Сказа(н)е о́ посúде» — кухонная утварь; «Сказáніе о́ скотѣ́(х)» — домашний скот; «Сказáніе о́ полевы(х) хлѣ́ба(х)» — полевые работы и злаки; «Сказáніе о́ ко́нской збру́й» — конская упряжь; «Сказаніе о́ дрѣ́вахъ» — деревья; «Сказа(н)е о́ звѣ́ре(х)» — дикие животные; «Сказаніе о́ пті́цахъ» — птицы, в том числе домашние; «Сказáніе о́ сна́стехъ» — рабочие инструменты; «Сказаніе о́ счѣ́те» — числительные и денежные единицы; «Сказаніе о́ церко́вныхъ» — церковная лексика; «Сказáніе о́ ну́жны(х) рѣ́чехъ» — лексика и основные фразы повседневного обихода; «Сказáніе о́ забѣ́нны(х) рѣ́че(х)» — лексика, связанная с воинским, кузнечным и мельничным делом. В конце словаря также приводится одно слово на ижорском и шесть слов на финском языках.

Большую часть представленной в анализируемом словаре лексики можно услышать в современных карельских говорах Центральной России. При этом в перечне зафиксировано более десятка слов, утраченных языком вместе с самой реалией, например, названия видов оружия: 483. *Мѣ́кька* ‘меч’, 485. *Кѣ́ишь* ‘копье’; наименования редких для Верхневолжья рыб: 191. *Ку́га* ‘судак’, 195. *Лѳ́ги* ‘лосось’; а также лексем, вытесненных русскими заимствованиями, например: 284. *Ви́ката* ‘коса’, 330. *Нáта* ‘куница’, 140. *Лáньго* ‘сват’. Присутствуют ошибочные переводы, например: 50. *Лѣ́вка* ‘щека’ (ср. т. к.: *lewga* ‘подбородок’). Кроме того, на уровне лексики в языке памятника обнаруживается явный финский компонент, что может указы-

вать на вхождение в круг информантов носителей восточнофинских говоров.⁸⁶

Анализ графо-фонетической, фонологической и морфологической систем языка словаря основан на сравнении словарных записей с данными современного тверского карельского диалекта, что позволяет проследить некоторые алгоритмы. В анализируемом памятнике довольно последовательно представлены фонетические и грамматические особенности южных собственно карельских говоров карельского языка, тем не менее, далеко не все адекватно переданы средствами кириллической графики XVII в.

Графо-фонетическая система

Для обозначения **гласных звуков** в тексте используется 14 графем:

1) **з а д н е р я д н ы е г л а с н ы е**:

— графемой **а** (с акутом в ударном слове **ǎ**) обозначается заднерядный нелабиализованный гласный нижнего подъема *a*: 14. *Tǎlvi* 'зима', 47. *Kǎla* 'шея', 103. *Kińǎdaǎtǎ* 'рукавицы', 105. *Xǎtǎrǎrǎtǎ* 'портянки', 187. *Kǎla* 'рыба', 401. *Šǎda* 'сто'. В абсолютном начале слова проставлен знак придыхания **ʔ**: 141. *ʔǎpli* 'тесть', 146. *ʔǎrmǎtǎ* 'сирота', 192. *ʔǎǎvǎnǎ* 'окунь'. В тексте также встречается несколько примеров употребления графемы **а** с грависом (**ǎ**), используемым для обозначения второстепенного ударения: 127. *Kuǎǎkǎrdǎ* 'кошелек', 1. *Juǎmǎlǎ* 'Бог', 389. *Šǎtǎǎǎcǎmǎ* 'семь', 421. *kǎrǎǎlǎǎkǎǎǎǎ* 'по-карельски';

— графемой **я** (**ǎ** — в ударном слове, **ʔǎ**, **ǎ** — в начале слова) выражается сочетание *ja*: 66. *ʔǎǎlǎǎǎ* 'нога', 74. *ʔǎǎlǎǎ* 'след', 175. *ʔǎǎvǎǎǎ* 'мука', 297. *ʔǎǎǎǎǎǎǎǎtǎ* 'возжи', 414. *Dǎǎǎǎǎkuǎna* 'дьякон', 182. *ʔǎǎ* 'ручей', 259. *Kǎǎǎǎǎtǎ* 'копыта', 485. *Kǎǎǎǎǎ* 'копье';

— графема **о** (**ǎ** — в ударном слове, **ǎ** — в слове, на который приходится второстепенное ударение) используется для обозначения заднерядного лабиализованного гласного среднего подъема *o*: 72. *Pǎǎlǎǎǎ* 'колени', 160. *Rǎǎǎǎ* 'суп', 243. *Kǎǎǎǎǎ* 'ушаг', 292. *Kǎǎǎǎ* 'сани', 129. *Mǎǎmǎ* 'мать', 142. *ʔǎǎǎǎǎ* 'теща', 171. *Mǎǎǎmǎ* 'молоко', 269. *Pǎǎlǎǎ* 'поле', 146. *ʔǎǎrmǎtǎ* 'сирота'. В начале слова используется **ʔO**: 4. *ʔǎǎǎǎtǎ* 'лучи', 182. *ʔǎǎ* 'ручей', 207. *ʔǎǎ* 'дверь', 274. *ʔǎǎǎ* 'ячмень';

— омегой **ʔǎ** обозначается сочетание *jo*: 180. *ʔǎǎ* 'река', 355. *ʔǎǎǎǎǎ* 'лебедь';

⁸⁶ См. далее с. 233–234 наст. изд.

— графема **у** (в ударном слоге **ў**) передает заднерядный лабиализованный гласный верхнего подъема *u*: 36. *Ту́каты* ‘волосы’, 98. *Ту́рьке* ‘шуба’, 161. *Пу́дро* ‘каша’, 379. *Лу́кьку* ‘замок’, 82. *Ші́тты* ‘испражняется’, 126. *Кд́лушы* ‘воротник’, 164. *Па́ну* ‘боб’. В начале слова обозначается с придыханием **У**: 8. *Укомъті́ль* ‘грозовая туча’, 9. *Укою́рь* ‘гром’, 454. *Уни* ‘сон’;

2) переднерядные гласные:

— графема **и** (**й** в ударном слоге) выражает переднерядный нелабиализованный гласный верхнего подъема *i*: 10. *Ви́гма* ‘дождь’, 39. *Ші́льметь* ‘глаза’, 117. *Рі́гма* ‘нитка’, 14. *Та́гви* ‘зима’, 65. *Ка́зи* ‘рука’, 236. *Лу́сикька* ‘ложка’, 383. *Ю́й* ‘один’. В начале слова используется **И**: 128. *И́за* ‘отец’, 209. *И́стуа* ‘сидеть’, 211. *И́кькуна* ‘окно’;

— графемой **і** (**й** в ударном слоге) в качестве первого компонента дифтонгов передается переднерядный нелабиализованный гласный верхнего подъема *i*: 425. *Ші́ла* ‘ты’, 464. *Ті́а* ‘дорога’, 96. *Кд́йіть* ‘портки’, 112. *Лéвйла* ‘широкий’, 167. *Нáлькачні́ла* ‘голодный’, 202. *лáмь-ні́а* ‘топится’, 341. *Хію́йла* ‘сова’, 374. *Хобі́й* ‘серебро’;

— графема **й** используется исключительно в качестве второго компонента сужающихся дифтонгов: 2. *Та́йваши* ‘небо’, 37. *Та́йй* ‘вошь’, 113. *Кд́йіты* ‘узкий’, 374. *Хобі́йй* ‘серебро’;

— графемой **е** (в ударном слоге **ё**) передается переднерядный нелабиализованный гласный среднего подъема *e*: 17. *Кéжа* ‘лето’, 118. *Кéрла* ‘клубок’, 251. *Вéзи* ‘вода’, 72. *Пóльветь* ‘колени’, 79. *Нúве-леть* ‘суставы’, 115. *Кéретц́еметь* ‘ножницы’. Использование графемы в абсолютном начале слова не зафиксировано;

— графема **э** используется в начале слова для выражения переднерядного нелабиализованного гласного среднего подъема *e*: 441. *Э́мь ма́гд* ‘не умею’, 457. *Э́тагана* ‘далеко’, 463. *Э́йту́л* ‘не придет’;

— графема **ѣ** / **ѣ** встречается в тексте памятника лишь в позиции ударного слога (в первом слоге слова) в тех случаях, где в современном языке используется дифтонг *ie*: 34. *Мѣ́ши* ‘человек’, 47. *Кѣ́ль* ‘язык’, 154. *Рѣ́хте* ‘сковорода’, 366. *Сѣ́ра* ‘брус’, 433. *Вѣ́раши* ‘гость’, 483. *Мѣ́кька* ‘сабля’, 432. *Вѣ́* ‘отнеси’;

— графема **ю** передает переднерядный лабиализованный гласный верхнего подъема *y* в абсолютном начале слова: 383. *Ю́й* ‘один’, 391. *Ю́а́йэнь* ‘девять’; **ю́** — в ударном слоге: 61. *Кю́рьки* ‘бок’, 90. *Сю́льки* ‘слюна’, 282. *Лю́гешь* ‘сноп’; **ю** — в безударном слоге: 114. *Лю́гють* ‘короткий’, 145. *Не́йчють* ‘девушка’, 345. *Пáйшькюни* ‘ласточка’. Графемой **ю́** в абсолютном начале слова передается пара звуков *ju/jy*: 1. *Ю́мала* ‘Бог’, 9. *У́кою́рь* ‘гром’, 321. *Ю́рь* ‘корень’;

— юс малый **ж** (с акутом в ударном слове **Ж**) используется для передачи переднерядного нелабиализованного гласного нижнего подъема *ä*: 6. *Тжеть* ‘звезды’, 38. *Нжа* ‘лицо’, 193. *Шжрьки* ‘плотва’, 33. *Нетали* ‘неделя’, 110. *Нюблать* ‘пуговицы’, 118. *Керж* ‘клубок’. Этой же графемой в ряде случаев обозначается заднерядный нелабиализованный гласный нижнего подъема *a* в сочетании *ja*: 421. *карь-лашжкй* ‘по-корельски’, 481. *Луа* ‘крепкий’, 490. *Пжа* ‘кузница’, однако, чаще для выражения этого сочетания все же используется графема **ка**. Юс малый в ряде случаев употребляется для указания на палатализованный характер согласного в словах заднерядного вокалического оформления: 58. *Ватьца* ‘живот’, 177. *Пайса* ‘пеки’, 437. *Муиса* ‘помни’, 299. *Валжше* ‘запряги’, 100. *Гальлажк* ‘сукно’;

3) среднерядные гласные:

— графемой **ы** (**Ы** в ударном слове) передается среднерядный нелабиализованный гласный верхнего подъема [*ɨ*]: 173. *Сыра* ‘сыр’, 104. *Ваты* ‘холст’, 157. *Кастыла* ‘котел’, 162. *Нажрысь* ‘репа’, 216. *Лутыка* ‘клоп’, 336. *Порьтыма* ‘горностай’, 445. *Отынь* ‘взял’.

Специальный символ для обозначения переднерядного лабиализованного гласного среднего подъема *ø*, характерного для фонетической системы всех прибалтийско-финских языков, отсутствует. Для выражения соответствующего звука лексикографом использованы следующие графемы: 22. *Мююга* ‘поздно’, 38. *Нжа* ‘лицо’, 169. *Шюа* ‘ешь’, 186. *Лажса* ‘лужа’, 97. *Вюа* ‘пояс’ (ср. т. к.: *myöhä, nägö, juö, läžö, vuö*).

Система гласных звуков памятника практически полностью совпадает с современной.⁸⁷ Она характеризуется наличием следующих дифференциальных признаков:

- степень подъема: гласные верхнего, среднего и нижнего подъема;
- место образования звука: переднерядные и заднерядные гласные;
- положение губ: лабиализованные и нелабиализованные гласные.

Гласные	Переднего ряда		Среднего ряда	Заднего ряда	
	нелаб.	лаб.		нелаб.	лаб.
Верхнего подъема	<i>i</i>	<i>u</i>	<i>ɨ</i>		<i>u</i>
Среднего подъема	<i>e</i>				<i>o</i>
Нижнего подъема	<i>ä</i>			<i>a</i>	

⁸⁷ Новак И., Пеннтонен М., Руусканен А., Сиштин Л. Карельский язык в грамматиках. С. 44.

Для ряда современных говоров карельского языка характерно явление лабиализации гласных *i*, *e*. Оно практически полностью отсутствует в ливвиковском наречии, тогда как в собственно карельском и людиковском представлено непоследовательно. В тверских говорах также отсутствует единообразие в представительстве данного явления,⁸⁸ что демонстрируют и примеры из памятника: 282. *Лю́гешь* ‘сноп’, 442. *Ми́сежеть* ‘какие’, 298. *Ве́мьмель* ‘дуга’, 289. *Прю́вэзл* ‘цеп’ (ср. т. к.: *l'iyheš, mit'yš, vemmel, briwža / brywža*; тлм., всг.: *l'uyheš, myt'yš*, тлм.: *vömmel*).

Одним из важнейших фонематических признаков прибалтийско-финского вокализма является долгота, возникновение которой в позиции первого слога слова возводится к периоду функционирования языка-основы.⁸⁹ Для анализируемого памятника, однако, следует констатировать практически полное отсутствие данного дифференциального признака.

Для всех современных диалектов карельского языка характерно наличие трех долгих гласных: *ии*, *уу*, *йй*. В тексте памятника долгие гласные верхнего подъема переданы одиночными *у*, *ю*, *и*: 5. *Ку́тама* ‘месяц’, 13. *Ту́ль* ‘ветер’, 88. *Ку́лань* ‘слышу’, 159. *Шу́рима* ‘крупа’, 315. *Ку́жи* ‘ель’, 388. *Ку́жи* ‘шесть’, 67. *Кю́нлэпл* ‘локоть’, 120. *Ви́лл* ‘скрой’, 150. *Пи́ра* ‘пирог’, 223. *Хи́ли* ‘уголь’, 267. *Хи́ри* ‘мышь’, 284. *Ви́ката* ‘коса’, 387. *Ви́зи* ‘пять’ (ср. т. к.: *kuudama / kuwdama, tuul'i / tuwl'i, kuulen / kuwlen, šuurima / šuwrima, kuuži / kuwži, куу-нес'piä / kywnes'piä, viil'ä, piirua, hiil'i, hiiri, viikateh, viiz'i*). Исключения единичны: 62. *Лу́й* ‘кость’, 505. *Тю́вни* ‘тихий’, 353. *Кю́ють* ‘голубь’, 506. *Ви́йзлш* ‘хитрый’ (ср.: т. к.: *luu / luw, t'ywn'i / t'ywn'i, кууһку / куwhку, viizaš*). В случае с лексемой 96. *Кад́йт* ‘портки’, в которой подряд используется две графемы, выражающие передне-рядный нелабиализованный гласный верхнего подъема, речь идет, очевидно, о восходящем дифтонге, поскольку графема *й* употребляется книжником исключительно в данной позиции (ср. т. к.: *kuad'iet*). Кроме того, в словаре встречается единственное слово, в котором подряд приведено две графемы *а*: 332. *Ма́д* ‘бобр’, однако, наличие символа апострофа, выполняющего разделительную функцию, не позволяет говорить о проявлении в данном случае долгого гласного

⁸⁸ Новак И. П. Тверские диалекты карельского языка. С. 31–33.

⁸⁹ Häkkinen K. Suomen kielen historia. S. 51, 54–57.

(ср. кар.: *tajoa / tajoava / tajai*). Аналогичная ситуация в слове *Мююга* ‘поздно’.

Процесс дифтонгизации, проявившийся в преобразовании второго компонента долгих гласных в аппроксимант в результате русского влияния, видимо, не приобрел еще в XVII в. широкого бытования. Стоит отметить, что в большей части современных тверских карельских говоров в анализируемой позиции чаще всего встречается полугласный согласный, при этом отдельные группы весьгонских и толмачевских говоров сохранили долгие гласные.⁹⁰

В то же время, обильная д и ф т о н г и з а ц и я в целом является одной из основных отличительных особенностей карельского языка в сравнении с остальными прибалтийско-финскими, что находит наглядное подтверждение в материалах анализируемого словаря. Диалекты древнекарельского языка, очевидно, уже к моменту массового переселения имели устоявшуюся или находящуюся в процессе сложения систему дифтонгов.⁹¹ В тексте памятника представлены:

1) н и с х о д я щ и е д и ф т о н г и, возводимые к прибалтийско-финскому праязыку и единообразно представленные во всех современных диалектах карельского языка:

— *ai*: 2. *Táivash* ‘небо’, 95. *Páida* ‘рубашка’, 113. *Káity* ‘узкий’, 171. *Máito* ‘молоко’;

— *ai*: 3. *Páivina* ‘солнце’, 37. *Táii* ‘вошь’, 89. *Náii* ‘видел’, 143. *Náilla* ‘шурин’, 20. *Páiva / náive* ‘день’;

— *oi*: 262. *Óinaish* ‘баран’, 265. *Kóira* ‘собака’, 312. *Kóivu* ‘береза’, 130. *Póika* ‘сын’, 152. *Vóii* ‘масло’;

— *ui*: 270. *Rúig* ‘рожь’, 288. *Puímine* ‘молотьба’, 437. *Múisla* ‘помни’;

— *ei*: 145. *Neičuot* ‘девушка’, 148. *Leína* ‘хлеб’, 237. *Leika* ‘режь’, 260. *Géinla* ‘сено’;

— *ai*: 377. *Rávda* ‘железо’, 242. *Kávga* ‘ковш’, 482. *Kávñis* ‘красивый’, 340. *Háevka* ‘ястреб’;

— *oi*: 462. *Túlov* ‘будет’, 210. *Nóvžje* ‘встань’;

— *ii*: 218. *Kíevka* ‘печь’, 428. *Míiula* ‘у меня’, 426. *Šíivlu* ‘тебе’;

— *ei*: 50. *Lévka* ‘щека’.

Для фонетической системы памятника, как и для основной массы собственно карельских диалектов, в отличие от ливвиковских, харак-

⁹⁰ Новак И. П. Тверские диалекты карельского языка. С. 33–34.

⁹¹ Leskinen H. Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta // Karjala: historia, kansa, kulttuuri. Helsinki, 1998. S. 379.

терно отсутствие сужающегося дифтонга на *i* в позиции перед суффиксом *-ne* (*-ze* < **-ise*): 15. *Пáкъканл* ‘мороз’, 168. *Кю́льлaнe* ‘сытый’, 253. *Хéпанe* ‘лошадь’, 348. *Вáръбунe* ‘воробей’, 475. *Кéпътанe* ‘желтый’. Такое представительство явления в словаре подтверждает возведение выпадения второго компонента дифтонга к древнекарельскому периоду функционирования языка.⁹²

Как показывают примеры, в сужающихся дифтонгах с заднерядным лабиализованным гласным верхнего подъема в качестве второго компонента прослеживается преобразование неслогового *и* в полугласный *и*. Однако не исключено, что представленная в памятнике орфография могла быть спровоцирована русским фонотаксисом;

2) р а с ш и р я ю щ и е с я д и ф т о н г и, в отличие от сужающихся, отражены в памятнике довольно скромно:

— *уö*: 22. *Мю́юга* ‘поздно’, 169. *Шю́а* ‘ешь’ (ср. т. к.: *myöhä, šyö*);

— *ио*: 431. *Түо* ‘принеси’;

— *ie*: 34. *Мёиу* ‘человек’, 47. *Кёль* ‘язык’, 154. *Рёхте* ‘сковорода’ (ср. т. к.: *mieš, kiel’i, rieht’il’ä*);⁹³

— *iä/ia/[ia]*: 112. *Лёвёл* ‘широкий’, 341. *Хю́нл* ‘сова’, 425. *Шíл* ‘ты’, 464. *Тíа* ‘дорога’, 327. *Коньдыа* ‘медведь’ (ср. т. к.: *l’evie, hywbie, šie, t’ie, kondie*);

— *уä/уа*: 97. *Вю́л* ‘пояс’, 169. *Шю́а* ‘ешь’, 470. *Мю́а* ‘продай’ (ср. т. к.: *vyö, šyö, myö*);

— *иä*: 199. *Тáнъгуа* ‘двор’, 209. *Истуа* ‘сядь’ (ср. т. к.: *tanhuo, istuo*);

В случае с *иä*, *уä* и *iä/ia/[ia]* очевидны признаки расширения дифтонгов *ио*, *уö*, *ie*. Речь может идти об особенностях русского усвоения. Следует обратить внимание на то, что аналогичный признак свойственен тверскому держанскому диалекту, ощутившему наиболее сильное влияние со стороны соседнего русского языка.⁹⁴

Расширяющиеся дифтонги карельского языка возводятся к прибалтийско-финским праязыковым долгим гласным **aa*, **ää*, **oo*, **ee*. Тенденция к дифтонгизации, очевидно, получила развитие в древнекарельском языке. Наиболее ранним процессом считается дифтонгизация

⁹² Leskinen H. Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta. S. 380–381.

⁹³ Дифтонгическое произношение Ъ [*ie*] отмечается как диалектная особенность северно-малорусских и отдельных южно-великорусских говоров (см.: Б<уш>и С. Ъ // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1904. Т. 40. С. 97–98).

⁹⁴ Palmeos P. Über der Vokalismus der Zubcover Mundart des Karelischen. S. 3; Öispuu J. Zur Synkope und Apokope in Verbparadigma der Džorža-Mundart des Karelischen // Советское финно-угроведение. 1985. № 3. С. 181.

п्राязыковых долгих гласных **oo*, **öö*, **ee*, тогда как начало дифтонгизации долгих **aa*, **äa* относится языковедами к XI–XII вв.⁹⁵ Возможность завершения этого процесса до момента массового переселения карелов кажется сомнительной, поскольку в карельских диалектах явление получило самое различное продолжение.⁹⁶

Расширяющиеся дифтонги *ua*, *iä*, *uo*, *yö*, *ie*, представленные в современных тверских говорах, в тексте памятника относительно последовательно отображаются одиночными гласными, что в целом укладывается в правила интеграции прибалтийско-финских дифтонгов в русский язык:

— *ua*: 104. *Váty* ‘холст’, 107. *Шáпънатъ* ‘сапоги’, 225. *‘Авá* ‘открой’, 311. *Хáна* ‘осина’, 510. *Мáнитить* ‘обманул’, 224. *Шáльба* ‘закрой’, 237. *Лéйка* ‘режь’ (ср. т. к.: *vuattie*, *šuarpuat*, *avua*, *huara*, *tuian* ‘itit, *šalbua*, *l’eikka*);

— *iä*: 186. *Лáжа* ‘лужа’, 330. *Нáта* ‘куница’, 345. *Пáшькюни* ‘ласточка’, 369. *Вáрлá киръвешъ* ‘кирка’, 68. *Кю́нáсплá* ‘локоть’, 35. *Пá* ‘голова’, 86. *Нá* ‘вижу’ (ср. т. к.: *l’iäžö*, *n’iät’ä*, *piäkšun* ‘e, *viärä*, *kuwnes* ‘piä, *piä*, *n’iän*);

— *uo*: 26. *Хóманъ* ‘утро’, 232. *Шóла* ‘соль’, 238. *Гóдъра* ‘ножны’, 306. *Нóра* ‘веревка’, 418. *Кóли* ‘умер’, 509. *Гóвисъ* ‘дешевый’, 514. *Тóгушь* ‘свеча’, 56. *Шóлáтъ* ‘кишки’, 234. *Лóта* ‘блюдо’ (ср. т. к.: *huot-peš*, *šuoia*, *huodra*, *nuora*, *kuol* ‘i, *huovis*’, *tuohuš*; кар.: *šuolet*, *luota*);

— *yö*: 48. *Сю* ‘ешь’, 21/170. *Їö* ‘ночь / пей’ (ср. т. к.: *šyö* / *syö*, *juo*);

— *ie*: 472. *Ру́шки* ‘красный’, 476. *Вáльки* ‘белый’, 116. *Нéгла* ‘игла’ (ср. т. к.: *ruškie*, *valgie*, *n’iegla*).

Характерные для современной фонетической системы карельского языка трифтонги в памятнике не представлены: 202. *лáмъпá* ‘топится’ (ср. т. к.: *l’ämbiew*).

Редкие случаи апокопы (выпадение конечного гласного звука слова), например, 360. *Кү́къ* ‘петух’, 197. *Матíкъ* ‘налим’, 233. *Шóловáкъ* ‘солонка’, 354. *Нáкъкъ* ‘галка’ (ср. т. к.: *kukko*, *mat’ikka*, *šuoia-vakka*, *n’uakka*), не носят системного характера и не могут служить маркером для более конкретной диалектной привязки.

Явление с и н г а р м о н и з м а (одновременно в слове выступают гласные переднего или заднего ряда, гласные *i*, *e* в этом отношении

⁹⁵ *Rapola M.* Suomen kielen äännehistorian luennot. Helsinki, 1966. S. 350–355.

⁹⁶ *Новак И., Пенттонен М., Руусканен А., Сиилин Л.* Карельский язык в грамматиках. С. 55–57.

нейтральны) характерно для большей части современных диалектов карельского языка и возводится языковедами к прибалтийско-финскому языку-основе.⁹⁷ В тексте памятника гармония гласных представлена довольно последовательно: 3. *Пѣйвинѧ* ‘солнце’, 168. *Кюльлане* ‘сытый’, 310. *Кюньѧпѧ* ‘вяз’, 5. *Кутама* ‘месяц’, 49. *Вуйнува* ‘проглотить’, 103. *Киньдагѧтъ* ‘рукавицы’. Редкие примеры использования заднерядного гласного на месте ожидаемого переднерядного в словах исконного происхождения характерны, большей частью, для слабой позиции безударного слога: 20. *Пѣэва* ‘день’, 22. *Мююѧга* ‘поздно’, 335. *Мѧгъра* ‘барсук’, 330. *Нѧта* ‘куница’, 186. *Лѧжа* ‘лужа’, 38. *Нѧка* ‘лицо’. Отступление от закона гармонии гласных обнаруживается также в дифтонге *уа*: 169. *Шюѧ* ‘ешь’, 470. *Мюѧ* ‘продай’, что объясняется отсутствием специального символа для выражения его второго гласного компонента — переднерядного *ѧ*.

В тексте памятника использованы 20 графем для выражения **согласных звуков**. В последующих примерах графемы приводятся в порядке убывания частоты их употребления:

— графемой **к** выражается заднеязычный смычный *k*: 47. *Кѣль* ‘язык’, 51. *Кѧгла* ‘шея’, 38. *Нѧка* ‘лицо’, 130. *Пѧйка* ‘сын’, 180. *Сѧжи* ‘река’, 360. *Кукъ* ‘петух’, 197. *Матикъ* ‘налим’, 233. *Шѧловакъ* ‘солонка’. Для большинства карельских говоров в позиции абсолютного конца слова не свойственно наличие данного согласного. В тексте памятнике случаи *k* в ауслауте объясняются выпадением конечного гласного (ср. т. к.: *kukko, matikka, šuolavakka*). В примерах речь идет о геминированном согласном в слабой позиции безударного слога;

— графема **т** обозначает переднеязычный взрывной *t*, употребляется без позиционных ограничений: 6. *Тѧгеть* ‘звезды’, 14. *Тѧльви* ‘зима’, 36. *Тукать* ‘волосы’, 131. *Тютеръ* ‘дочь’, 64. *Харътатъ* ‘плечи’, 16. *Кѣватъ* ‘весна’;

— графема **н** употребляется для обозначения переднеязычного смычного *n* в любой позиции слова: 41. *Нѣна* ‘нос’, 116. *Нѣгла* ‘игла’, 386. *Нѣльѧ* ‘четыре’, 359. *Кѧна* ‘курица’, 454. *Уни* ‘сон’, 475. *Кѣпътане* ‘желтый’, 192. *ѧгъвень* ‘окунь’, 450. *Тулинъ* ‘пришел’, 516. *Кѣнь* ‘кто’;

⁹⁷ Turunen A. Itäisten savolaismurteiden äännehistoria. Helsinki, 1959. S. 253; Лаанест А. Прибалтийско-финские языки // Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975. С. 42–43.

— графема *л* используется для передачи переднеязычного щелевого согласного *l* без позиционных ограничений: 11. *Лу́ни* ‘снег’, 155. *Ли́га* ‘мясо’, 91. *Сю́ле* ‘плюнь’, 157. *Касты́ла* ‘котел’, 298. *Ве́мь-мель* ‘дуга’, 498. *Пе́тель* ‘толкач’;

— графемой *р* выражается переднеязычный дрожащий *r* в любой позиции слова: 117. *Ри́гьма* ‘нитка’, 160. *Ро́кька* ‘суп’, 277. *Ра́то* ‘пашня’, 105. *Ха́тътаратъ* ‘портянки’, 118. *Ке́р я* ‘клубок’, 179. *Ме́ри* ‘море’, 497. *Гу́мьмаръ* ‘ступа’, 131. *Тю́теръ* ‘дочь’, 134. *Щевóторъ* ‘племянник’;

— графема *в* передает губно-зубной щелевой *v*, встречается в любой позиции слова: 10. *Ви́гьма* ‘дождь’, 152. *Во́й* ‘масло’, 23. *Авань* ‘рано’, 112. *Ле́вля* ‘широкий’, 462. *Ту́ловъ* ‘будет’, 492. *Та́кувъ* ‘кует’;

— графема *м* передает билабиальный смычный согласный *m*, употребляется без позиционных ограничений: 22. *Мю́ю́га* ‘поздно’, 129. *Ма́мо* ‘мать’, 336. *По́рьтыма* ‘горноста́й’, 178. *Съ́мень* ‘семя’, 434. *Ка́зимъ* ‘велел’, 441. *Э́мъ мага́* ‘не умею’. Для позиции абсолютного конца слова наличие согласного *m* в карельском языке не характерно, за исключением случаев регрессивной ассимиляции, что демонстрируют и последние из приведенных примеров (ср. т. к.: *käššim mie*);

— графемой *п* передается билабиальный смычный *p* в анлаутной и инлаутной позициях: 27. *Пю́га п я́ва* ‘воскресенье’, 35. *Пя́* ‘голова’, 161. *Пу́дро* ‘каша’, 164. *Па́пу* ‘боб’, 253. *Хе́пане* ‘лошадь’. Единственный случай использования *п* в абсолютном конце слова 420. *Ко́пъ* ‘могила’ объясняется выпадением конечного гласного (ср. т. к.: *kuoppa*);

— графемой *ш* выражается небно-зубной щелевой *ʃ*, выступающий в любой позиции слова. В середине слова встречается только в составе сочетания согласных: 60. *Ше́лька* ‘спина’, 159. *Шу́рима* ‘крупa’, 217. *Ша́ви* ‘глина’, 144. *Ла́пшии* ‘младенец’, 205. *О́кьша* ‘сук’, 477. *Му́шъта* ‘черный’, 2. *Та́йвашъ* ‘небо’, 433. *Ве́рашъ* ‘гость’, 514. *То́гушъ* ‘свеча’;

— на месте графемы *г*, встречающейся в тексте без позиционных ограничений: 55. *Ге́ньки* ‘душа’, 124. *Ге́льма* ‘подол’, 163. *Ге́рьне* ‘горох’, 286. *Го́мино* ‘гумно’, 6. *Та́жеть* ‘звезды’, 22. *Мю́ю́га* ‘поздно’, 114. *Лю́бють* ‘короткий’, 126. *Ка́глушъ* ‘воротник’, 273. *Ве́гна* ‘пшеница’, 19. *Шугу́шъ* ‘осень’, 12. *Ра́гъ* ‘град’, 270. *Ру́йгъ* ‘рожъ’, в современных тверских карельских говорах используются гортанный щелевой *h* или заднеязычный смычный *g* (ср. т. к.: *hengi, helma, herneh, guomino, t’ähet, myöhä, l’hyht, kaghuš, vehnä, šygyš, rais (ragehe-), ruis (rugehe-)*);

— графема *с* передает зубной щелевой *s*, в слове выступает без позиционных ограничений: 90. *Сюльки* ‘слюна’, 366. *Събра* ‘брус’, 236. *Лусикъка* ‘ложка’, 407. *Ристи* ‘крест’, 437. *Муиса* ‘помни’, 162. *Нагрысь* ‘репа’, 331. *Ъанисъ* ‘заяц’, 349. *Върисъ* ‘ворона’;

— графема *х* встречается преимущественно в начале слова, крайне редко в середине в сочетаниях с глухими согласными *к*, *т*: 63. *Хеньки* ‘дух’, 26. *Хоманъ* ‘утро’, 46. *Хамъ пагътъ* ‘зубы’, 125. *Хига* ‘рукав’, 255. *Харька* ‘бык’, 341. *Хюпъа* ‘сова’, 154. *Ръхъте* ‘сковорода’, 294. *Лъхъкегетъ* ‘хомут’, 295. *Ръхъкегетъ* ‘тужи’, 323. *Лехъти* ‘лист’. В современных карельских говорах здесь употребляется гортанный щелевой *h*: *hengi*, *huomneš*, *hambahat*, *hiha*, *härkä*, *hyubie*, *rieht’ il’ä*, *lahkehet*, *rahkehet*, *l’eh’i*;

— графема *д* передает переднеязычный смычный *d* и встречается преимущественно в середине слова: 95. *Пайда* ‘рубашка’, 401. *Шайда* ‘сто’, 103. *Кинъдагътъ* ‘рукавицы’, 161. *Пудро* ‘каша’, 377. *Равъда* ‘железо’. В позиции начала слова использование графемы характерно лишь для заимствованной из русского языка лексики: 414. *Дьякъкуна* ‘дьякон’, 136. *Дадъа* ‘дядя’. Встречается единственная ауслатная фиксация: 248. *Олудъ* ‘пиво’;

— графема *з* передает зубной щелевой *z*: 65. *Къзи* ‘рука’, 71. *Тюньзи* ‘ноготь’, 128. *Иза* ‘отец’, 249. *Мэзи* ‘мед’, 266. *Къзи* ‘кошка’, 293. *Айзатъ* ‘оглобли’, 387. *Визи* ‘пять’, 506. *Вийзашъ* ‘хитрый’. Графема встречается в середине слова. Лишь в заимствованиях из русского языка возможна в позиции начала слова: 410. *Звонита* ‘звонят’;

— графемой *ж* передается небно-зубной щелевой *ʒ* в позиции середины слова: 17. *Кэжа* ‘лето’, 139. *Моръже* ‘невеста’, 186. *Лъжа* ‘лужа’, 210. *Новъже* ‘встань’, 256. *Въжа* ‘теленос’, 358. *Шоръжа* ‘утка’, 388. *Куъжи* ‘шесть’. Единственный случай фиксации согласного в начале слова может объясняться результатом ассимиляции: 516. *Кень жиль* ‘кто там’;

— графема *б* используется для передачи билабиального смычного *b* в инлаутной позиции: 110. *Нюблатъ* ‘пуговицы’, 259. *Кабъкътъ* ‘копыта’, 329. *Рёбо* ‘лисица’, 374. *Хобъти* ‘серебро’. Фиксации в начале слова минимальны, напр., 351. *Бърбонъни* ‘ворон’;

— графема *ц* употребляется для передачи зубной аффрикаты *c* в позиции начала и конца слова: 371. *Церьтъ* ‘черта’, 58. *Ватъца* ‘живот’, 115. *Керетъцетъ* ‘ножницы’, 308. *Метъца* ‘лес’, 208. *Лавица* ‘лавка’, 239. *Лейка вецель* ‘режь ножом’;

— графемой **ч** передается небно-зубная аффриката *č* в анлаутной и инлаутной позициях: 347. *Чіръку* ‘синица’, 85. *Кѧча* ‘смотри’, 145. *Нѧйчють* ‘девушка’, 355. *’Эльчень* ‘лебедь’;

— графема **щ** соответствует палатализованному (в положении перед гласными переднего ряда) небно-зубному щелевому *š* в анлаутной и инлаутной позициях: 456. *Лѧща* ‘близко’, 487. *Пѧщю* ‘ружье’, 134. *Щевѧторъ* ‘племянник’, 73. *Щѧлькеми* ‘тыльная сторона руки’ (ср. т. к.: *l’äššä, ruššy, ševotar, šel’götä*). В слове 106. *Щукать* ‘чулки’ речь может идти об ошибочной фиксации;

— фита **ө** передает глухой губно-зубной щелевой *f*, встречается исключительно в середине слова: 99. *Кѧѧтанъ* ‘кафтан’, 153. *Рѧишѧ* ‘сало’, 340. *Хѧѧька* ‘ястреб’.

Оставшиеся две графемы самостоятельных звуков не обозначают, служат в качестве вспомогательных:

— графема **ь** используется в двух случаях: на конце слов после согласных, напр., 36. *Тукать* ‘вѧлосы’, 42. *Кѧръвать* ‘уши’, 12. *Рѧгъ* ‘град’, 34. *Мѧишъ* ‘человек’, 88. *Кѧланъ* ‘слышу’, 248. *’Олудъ* ‘пиво’, или между согласными, напр., 10. *Виѧьма* ‘дождь’, 14. *Тѧльви* ‘зима’, 43. *Пѧръта* ‘борода’, 98. *Тѧръке* ‘шуба’, 119. *’Отъмьпелѧй* ‘шей’;

— графема **ѧ** употребляется для обозначения мягкости согласных и выступает на конце слов или между согласными: 162. *Нѧгрѧсь* ‘репа’, 331. *’ѧнисъ* ‘заяц’, 349. *Вѧрисъ* ‘ворона’, 298. *Вѧьмьмелъ* ‘дуга’, 482. *Кѧвьнисъ* ‘красивый’, 498. *Пѧтель* ‘толкач’, 508. *Кѧльлис* ‘дорогой’, 74. *’ѧльки* ‘след’, 168. *Кѧльляне* ‘сытый’, 100. *Гѧльлякъ* ‘сукно’, 123. *Пѧтьке* ‘долгий’, 255. *Хѧръкъѧ* ‘бык’. Также характерно использование знака в качестве разделительного в позиции перед йотированным гласным: 259. *Кѧбьѧтъ* ‘копыта’, 268. *Хѧръѧ* ‘грива’, 292. *Кѧръѧ* ‘сани’, 417. *Кѧльѧ* ‘мертвец’. С точки зрения фонетической системы современного карельского языка ошибочным представляется использование **ѧ** на конце слова в таких лексемах как, напр., 39. *Шѧльметъ* ‘глаза’, 72. *Пѧльветъ* ‘колени’, 110. *Нѧблятъ* ‘пуговицы’, 114. *Лѧбють* ‘короткий’, 445. *’Отѧнь* ‘взял’ (ср. с первым случаем использования графемы **ѧ**). Но это несоответствие находит аналогии и в других словарных записях Прохора Коломнятина.⁹⁸

Относительно использования графем **х** и **г** следует отметить, что в тексте памятника не прослеживается какой-либо закономерности,

⁹⁸ См. с. 417 наст. изд.

примером чему может послужить слово 125. *Хи́га* ‘рукав’ (ср. т. к. *hiha*). В позиции начала слова в одинаковом фонетическом положении встречаются обе графемы: 63. *Хе́ньки* ‘дух’ — 55. *Ге́ньки* ‘душа’, 26. *Хо́мань* ‘утро’ — 509. *Го́вись* ‘дешевый’, 46. *Ха́мь пага́ть* ‘зубы’ — 100. *Га́льля́кь* ‘сукно’, 223. *Хи́ли* ‘уголь’ — 325. *Ги́рьви* ‘лось’, 253. *Хе́пане* ‘лошадь’ — 163. *Ге́рьне* ‘горох’. В современных диалектах карельского языка во всех приведенных примерах используется согласный *h*. В середине слова вырисовывается следующая закономерность: *г* употребляется в звонком фонетическом окружении, а *х* — в глухом: 6. *Та́геть* ‘звезды’, 114. *Лю́гють* ‘короткий’, 273. *Ве́гнл* ‘пшеница’, 126. *Ка́глуиш* ‘воротник’, 154. *Рё́хъте* ‘сковорода’, 294. *Ла́хъ-кегеть* ‘хомут’, 295. *Ра́хъкегеть* ‘гужи’, 323. *Ле́хъти* ‘лист’, при этом на месте *г* в современных тверских говорах могут встречаться как гортанный щелевой (*vehn’ä*), так и заднеязычный смычный (*kagluš*). Обнаруженная в тексте памятника особенность может объясняться фрикативным характером произношения *г* (довольно близким к *h*) или отсутствием в воспринимающем языке противопоставления фонем *g* и *h*.

Систему согласных языка анализируемого памятника можно представить в виде таблицы следующим образом:

По месту образования По способу образования				Губные		Язычные			
				губно-губные	губно-зубные	переднеязычные		среднеязычные	заднеязычные
						зубные	небно-зубные		
Шумные	смычные	взрывные	гл.	<i>p</i>		<i>t</i>			<i>k</i>
			зв.	<i>b</i>		<i>d</i>			<i>g</i>
	щелевые	аффрикаты	гл.			<i>c</i>	<i>č</i>		
			гл.		<i>f</i>	<i>s</i>	<i>š</i>	<i>š’</i>	<i>h</i>
			зв.		<i>v</i>	<i>z</i>	<i>ž</i>	<i>j</i>	
			зв.						
Сонорные	смычные	носовые	зв.	<i>m</i>		<i>n</i>			
	щелевые	боковые	зв.			<i>l</i>			
	дрожание		зв.				<i>r</i>		

В начале слова в исконной карельской лексике представлены согласные звуки *k, t, p, n, l, m, r, g, h, v, s, š, ž, č, j*, тогда как в заимствованиях из русского языка встречаются также *d, b, z, ċ*. Внутри слова

возможно использование всех согласных звуков. Для абсолютного конца слова характерно наличие согласных *t, n, l, r, v, s, š, g*, а в случаях выпадения гласных конца слова или в результате действия ассимиляции также *k, p, m*. В сравнении с современными тверскими говорами в словаре не зафиксировано наличия в позиции конца слова согласного *h*, что может объясняться особенностями его артикуляции (слабая напряженность): 163. *Гэрьне* ‘горох’, 461. *Хдрьва* ‘редко’, 410. *Звонита* ‘звонят’ (ср. т. к.: *herneh, harvah, zvon'itah*).

Для фонетической системы языка памятника характерна оппозиция согласных по признаку глухости /звонкости: 263. *Сі́ка* ‘свинья’ — 125. *Хі́га* ‘рукав’, 219. *Ха́лько* ‘полено’ — 66. *’Іа́льга* ‘ноги’, 55. *Гэ́ньки* ‘душа’ — 357. *Ха́ньги* ‘гусь’, 171. *Ма́йто* ‘молоко’ — 95. *Па́йда* ‘рубашка’, 424. *Ку́ньтыре* ‘слушай’ — 313. *Ка́ньдо* ‘пень’, 220. *Ші́льта* ‘мост’ — 373. *Ку́льда* ‘золото’, 164. *Па́пу* ‘боб’ — 329. *Рэ́бо* ‘лиса’, 236. *Лусі́кька* ‘ложка’ — 266. *Ка́зи* ‘кошка’, 291. *Ва́шьта* ‘метла’ — 256. *Ва́жа* ‘теленос’. Однако данное явление не отличается последовательностью, поскольку, как показывают примеры, в одной и той же фонетической позиции используются как глухие, так и звонкие согласные. Речь идет, в первую очередь, о представительстве смычно-взрывных согласных, тогда как в случае с щелевыми распределение звонких и глухих представлено довольно последовательно. Количество фиксаций глухих согласных в тексте памятника более чем в два раза превышает количество фиксаций звонких.

Противопоставление глухих и звонких согласных характерно для всех южнокарельских диалектов собственно карельского наречия, в том числе тверских, а также для ливвиковского и людиковского наречий. Исследователи прибалтийско-финских языков относят явление озвончения глухих смычно-взрывных и щелевых согласных в звонком фонетическом окружении к периоду функционирования древнекарельского языка и объясняют его результатом влияния фонетической системы русского языка.⁹⁹ Наличие в тексте памятника довольно большого процента фиксаций глухих согласных в звонком фонетическом окружении не может объясняться особенностями воспринимающей русской фонетической системы, поскольку в ней существует четкая оппозиция по звонкости — глухости. Глухость отличает фин-

⁹⁹ *Kalima J.* Entisen Käkisalmen läänin alueen aikaisemmasta kielimuodosta // *Viritäjä*. 1934. № 38. S. 254–256; *Leskinen H.* Suomen itämurteet keskiajan ja uuden ajan taitteessa. S. 98.

ский язык на фоне карельского, т. е. на уровне фонетики языку словаря присуща особенность, которая отмечается и в лексике — финские признаки, спровоцированные, возможно, неким финским источником. При этом некоторые из слов с глухим согласным содержат в своем графическом облике явные карельские признаки, например, шипящий согласный: 220. *Шильта* ‘мост’, 301. *Шатула* ‘седло’. Таким образом, проявившаяся в тексте словаря незакономерность может являться свидетельством незавершенности процесса озвончения в древнекарельском языке. С другой стороны, это фонетическое обстоятельство может косвенно указывать на то, что местом записи был Карельский перешеек, где в XVII веке соседствовало карельское и финское население, что влекло за собой появление явно финского материала в словаре. Во всяком случае шанс появления собственно финского компонента на Карельском перешейке неизмеримо больше, чем в Верхневолжье. В этом же контексте стоит обратить внимание на завершающие карельский словарь два коротких фрагмента, озаглавленные **Жёрска(й) юзыкъ в той (же) полестинъ** и **Чуханьской в той же полестинъ**. В первом случае имеется в виду ижорский язык, во втором — чухонский, т. е. тот, на котором говорили финны-ингерманландцы. Ключевым здесь является слово *палестина*, которое в языке XVII века значило ‘местность, край’.¹⁰⁰ Карельский, таким образом, был распространен в одной «палестине» или местности с ижорским и финским. Таким местом был, скорее, Карельский перешеек, территория Приладожья, чем Верхнее Поволжье. Иначе говоря, теоретически словарь может отражать те южные собственно карельские говоры, которые бытовали в Приладожье — там, откуда в XVII в. вследствие русско-шведского противостояния происходил отток карельского населения в тверские земли.

Важнейшим маркером карельской диалектной речи является дистрибуция переднеязычных щелевых согласных. Употребление того или иного согласного в диалектах карельского языка зависит от нескольких факторов, в одних диалектах выступающих независимо друг от друга, в других — в совокупности: позиция переднеязычного щелевого согласного в слове; непосредственное фонетическое окружение: наличие / отсутствие до или после согласного гласного *i*; рядность гласных слова. Распределение сви-

¹⁰⁰См.: СРЯЗ. Вып. 14. С. 132.

стоящих и шипящих согласных в языке памятника представлено следующим образом:

1) в позиции перед гласным *i* в начале слова используется шипящий согласный: 39. *Шильметь* 'глаза', 82. *Шитьту* 'испражняется', 220. *Шильта* 'мост', 425. *Шиа* 'ты'. Свистящий *s* возможен лишь в заимствованиях из русского языка, напр., 178. *Сѣмень* 'семя', 366. *Сѣра* 'брус'. Исключение из правила обнаруживает слово 263. *Сіка* 'свинья' (ср. тлм.: *šiga*). В позиции середины слова свистящие согласные употребляются преимущественно в интервокальной позиции: 236. *Лусикъка* 'ложка', 65. *Кѣзи* 'рука', 249. *Мѣзи* 'мед', 266. *Кѣзи* 'кошка'; но 144. *Лѣпѣиши* 'младенец', 304. *Лѣкѣиши* 'поехал', 384. *Кѣкѣиши* 'два', 421. *карѣалѣкѣиши* 'по-карельски', 315. *Кѣжи* 'ель', 320. *Хіръжи* 'бревно'. В данном случае значение имеет также качество впереди стоящего звука;

2) в позиции после гласного *i* представлены свистящие щелевые: 177. *Пѣиса* 'пеки', 194. *Кіськенъ* 'ерш', 209. *Истуа* 'сядь', 407. *Рісти* 'крест', 437. *Муйса* 'помни', 506. *Віізіши* 'хитрый', 128. *Иза* 'отец', 387. *Візи* 'пять', 293. *Айзатъ* 'оглобли', 422. *Пѣкизе* 'говори';

3) в словах заднерядного вокалического оформления (кроме позиций до или после *i*) представлены шипящие согласные: 56. *Шѣлатъ* 'кишки', 107. *Шѣпнатъ* 'сапоги', 159. *Шѣрима* 'крупа', 217. *Шѣви* 'глина', 224. *Шѣлѣба* 'закрой', 232. *Шѣла* 'соль', 358. *Шѣръжа* 'утка', 401. *Шѣда* 'сто', 511. *Шѣлѣка* 'перо', 205. *Юкѣша* 'сук', 153. *Рѣшѣа* 'сало', 291. *Вѣшѣта* 'метла', 375. *Вѣшѣки* 'медь', 390. *Кѣлѣкѣша* 'восемь', 472. *Рѣшѣки* 'красный', 477. *Мѣшѣта* 'черный', 139. *Мѣръже* 'невеста', 210. *Нѣвъже* 'встань', 256. *Вѣжа* 'теленек', 358. *Шѣръжа* 'утка'. В слове 469. *Юкѣша* 'купи' подряд приведены шипящий и свистящий согласные, что не свойственно фонетической системе карельского языка;

4) в словах переднерядного вокалического оформления (кроме позиций до или после *i*) использованы преимущественно шипящие согласные: 54. *Шѣнь* 'сердце', 60. *Шѣлѣка* 'спина', 193. *Шѣръки* 'плотва', 491. *Шѣпѣлѣ* 'кузнец', 345. *Пѣшѣкюни* 'ласточка', 17. *Кѣжа* 'лето', 186. *Лѣжа* 'лужа'. Исключением является слово 90. *Сѣлѣки* 'слюна' (ср. тлм.: *šul'gi*). В двух парах слов зафиксировано оба варианта оформления лексем: 389. *Шѣтѣцѣмѣ* 'семь' — 398. *Сѣтѣкюмень* 'семьдесят', 169. *Шѣа* 'ешь' — 48. *Сѣ* 'ешь';

5) на конце слова свистящий выступает лишь в позиции после гласного *i*: 331. *Ианисъ* 'заяц', 349. *Вѣрисъ* 'ворона', 482. *Кѣвѣнисъ* 'красивый', 508. *Кѣлѣлисъ* 'дорогой', 509. *Гѣвисъ* 'дешевый'. В осталь-

ных случаях используется шипящий: 2. *Táivaiš* ‘небо’, 19. *Šušuš* ‘осень’, 30. *Kolbmaiš pǎve* ‘среда’, 34. *Mšiš* ‘человек’, 126. *Kǎg-luš* ‘воротник’, 176. *Tǎgaiš* ‘тесто’, 261. *Lǎmšmaiš* ‘овца’, 433. *Vš-raiš* ‘гость’, 514. *Tǎguš* ‘свеча’. Исключением является слово 378. *Tě-rasš* ‘сталь’ (ср. тлм.: *t’erǎš*).

В целом, представленная система дистрибуции свистящих и шипящих согласных демонстрирует минимальные расхождения с являющимися наиболее многочисленными в структуре тверских «толстоязычными» говорами (толмачевские говоры). При этом стоит отметить, что в северных говорах толмачевского диалекта явление представлено непоследовательно. Речь идет о позиции перед гласными переднего ряда.¹⁰¹ Вариативность в данной позиции в тихвинских говорах собственно карельского наречия отмечается также В. Д. Ряговым.¹⁰² Аналогичным образом система представлена и в ребольско-ругозерско-тунгудских южнокарельских говорах собственно карельского наречия.¹⁰³

Языковеды возводят тенденцию к использованию шипящих согласных, вызванную влиянием фонетической системы русского языка, к завершающему периоду функционирования древнекарельского языка.¹⁰⁴ Очевидно, в результате переселения карелов, это явление получило отличное продолжение. В Средней Карелии и Центральной России, где отсутствовало воздействие близкородственного вепсского языка, система сохранилась наиболее близкой к древнекарельской. Именно в этом виде она и представлена в анализируемом источнике.

Корреляция по твердости/мягкости также является важнейшим фонетическим маркером карельской диалектной речи. Степень палатализации переднеязычных согласных в диалектах карельского языка существенно варьируется. Графическая система памятника не позволяет сделать каких-либо определенных выводов о степени смягчения согласных, например, в словах 128. *Иза* ‘отец’,

¹⁰¹ Новак И. П. Тверские диалекты карельского языка. С. 65–69.

¹⁰² Рягов В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977. С. 30–32.

¹⁰³ Новак И. П. Применение методики кластеризации в решении проблем диалектного членения карельского языка (на примере дистрибуции переднеязычных щелевых согласных) // Урало-алтайские исследования. 2021. № 2. С. 103–132.

¹⁰⁴ Kalima J. Entisen Käkisalmen läänin alueen aikaisemmasta kielimuodosta. S. 255–256; Зайков П. М. Дистрибуция и фонологический статус /s/ и /š/ в диалектах карельского языка // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России. Петрозаводск, 2014. С. 11–13.

464. *Тѣа* 'дорога', 282. *Любѣишъ* 'сноп', 110. *Нюблѣмъ* 'пуговицы', поскольку с точки зрения фонетической системы воспринимающего русского языка переднерядные гласные смягчают передидстоящие согласные. На сильную степень палатализации указывает использование графемы *ь* в позиции между согласными: 71. *Тюньзи* 'ноготь', 74. *Ъальки* 'след', 168. *Кюльлѣне* 'сытый'. Палатализация четко выражена также на конце слова: 508. *Кѣльлисъ* 'дорогой', 509. *Гѣовисъ* 'дешевый', 298. *Вѣмьмѣль* 'дуга', 498. *Пѣтель* 'толкач'.

Появление тенденции к палатализации возводится исследователями к древнекарельскому периоду и объясняется влиянием фонетической системы русского языка.¹⁰⁵ Наиболее широкое распространение явление получило в южнокарельских диалектах собственно карельского наречия, в том числе в тверских, в которых смягчению подвержены переднеязычные согласные, выступающие в положении перед переднерядными гласными, или перед палатализованными согласными.

В языке памятника просматривается твердый характер согласного *r* в начале слова, а также *d*, *t* в середине слова в положении перед гласным *i* в целом ряде лексем, что передается путем использования графемы *ы*: 162. *Нѣгрысъ* 'репа', 513. *Тѣгуишъ рѣгъма* 'светильник', 327. *Кѣньдѣа* 'медведь', 424. *Кѣньтыре* 'слушай', 104. *Вѣты* 'холст', 157. *Кастыла* 'котел', 216. *Лутыка* 'клоп', 336. *Пѣрътыма* 'горностаи', 445. *Отынь* 'взял'. Однако в части слов все же прослеживается мягкий характер этих согласных: 117. *Рѣгъма* 'нитка', 407. *Рѣсти* 'крест', 154. *Рѣхъте* 'сковорода', 96. *Кѣдѣтъ* 'портки'. Согласно А. А. Белякову, древнейший слой палатализации карельского языка не распространялся на согласный *r*, а также в определенных позициях на дентальный согласный.¹⁰⁶ Аналогичные ограничения обнаруживает и фонетическая система современного толмаческого диалекта карельского языка, тогда как в весьегонском диалекте и северных толмачевских говорах возможно использование мягких согласных.¹⁰⁷

¹⁰⁵ *Turunen A.* Lyydiläismurteiden äännehistoria I. Konsonantit. Helsinki, 1946. S. 337; *Itkonen T.* Häsuomalaisen liudennuksen fonologinen paradoksi // *Fenno-Ugrica*: Juhlakirja Lauri Postin kuusikymmenvuotispäiväksi 17.03.1968. Helsinki, 1968. S. 100–101; *Leskinen H.* Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta. S. 370–371.

¹⁰⁶ *Беляков А. А.* Фонетика карельского диалекта с. Толмачи Калининской обл. // Советское финно-угроведение. Петрозаводск, 1949. Т. 5. С. 84–85.

¹⁰⁷ *Новак И. П.* Тверские диалекты карельского языка. С. 80–85.

Характерной особенностью фонетической системы карельского языка является наличие двух степеней долготы согласных: одиночный согласный и гемината. В тексте анализируемого памятника геминаты адекватно переданы во многих случаях:

— *тт*: 18. *Лѣмъми* ‘тепло’, 261. *Лѣмъмашъ* ‘овца’, 298. *Вѣмъмель* ‘дуга’, 309. *Тѣмъми* ‘дуб’;

— *лл*: 168. *Кюльлѣне* ‘сытый’, 100. *Гѣльлѣкъ* ‘сукно’, 133. *Вѣльли* ‘брат’, 386. *Нѣльлѣ* ‘четыре’;

— *кк*: 15. *Пѣкъканѣ* ‘мороз’, 127. *Кюкъкардъ* ‘кошелек’, 135. *Вунукъка* ‘внук’, 151. *Кѣкъкаръ* ‘блины’;

— *тт*: 83. *Шѣтъта* ‘кал’, 105. *Хѣтътаратъ* ‘портянки’;

— *рр*: 107. *Шѣтъпатъ* ‘сапоги’, 141. *Ъпѣти* ‘тесть’, 142. *Ънопѣти* ‘теща’, 203. *Тѣтъпа* ‘сор’;

— *пп*: 443. *Ъпѣна* ‘дай’;

— *шш*: 247. *Вѣшъша* ‘квас’;

— *сс*: 246. *Пуъъци* ‘бочка’.

Гемината *шш* в позиции перед переднерядным гласным передается в двух словах через *шц*: 456. *Лѣшца* ‘близко’, 487. *Пушцю* ‘ружье’ (ср. т. к.: *l'ässhä, ruššy*).

Ряд примеров обнаруживает отсутствие фиксации геминат, которые характерны для современных тверских говоров. Речь идет о двух позициях:

— на конце слова, обнаруживающего выпадение конечного гласного, что в итоге и повлияло на сокращение звучания согласного: 197. *Матѣкъ* ‘налим’, 233. *Шѣловакъ* ‘солонка’, 360. *Кюкъ* ‘петух’, 420. *Кѣпъ* ‘могила’ (ср. т. к.: *matikka, šuolavakka, kukko, kuoppa*);

— в позиции безударного слога после сужающихся дифтонгов: 128. *тѣйта* ‘отец’, 177. *Пѣйсѣ* ‘пекѣ’, 237. *Лѣйка* ‘режь’, 230. *Ъйта* ‘клеть’, 340. *Хѣѣкъ* ‘ястреб’ (ср. т. к.: *tuatto, paissa, l'eikka, aitta, haukka*).

Вопросы вызывает отражение карельской геминаты *шш* в «цокающем» виде: 58. *Вѣтъцѣ* ‘живот’, 115. *Кѣретѣцѣметъ* ‘ножницы’, 308. *Мѣтъцѣ* ‘лес’, 208. *Лѣвицѣ* ‘лавка’, и др., всего 9 фиксаций. При этом одиночный *ш* во всех случаях передается графемой *ч*: 347. *Чѣръку* ‘синица’, 85. *Кѣча* ‘смотри’, 145. *Нѣйчютъ* ‘девушка’, 355. *Ъгльчѣнь* ‘лебедь’. Представленная ситуация может быть спровоцирована, с одной стороны, присущим севернорусскому наречию и восточным среднерусским говорам, в том числе тверским, цоканьем (неразличение *ц* и *ч*); а с другой, подоплекой может быть особенность карельского звукового облика геминаты в прошлом. Стоит заметить, что

в контексте финского компонента, выявляющегося в словаре, «цокающее» написание соответствует финскому звучанию.

Внимание привлекает также отсутствие последовательности в фиксации геминат / одиночных согласных в позиции после сонорных: 201. *Пёрьти* 'изба', 280. *Гирьпи* 'серп', 347. *Чирьку* 'синица', 368. *Тальта* 'долото', но 215. *Кирьньо* 'блоха'. Для отдельных южно-карельских (в частности тверских) диалектов собственно карельского наречия, а также некоторых людиковских и ливвиковских говоров, в отличие, например, от севернокарельских или финского языка, характерно присутствие здесь на месте прибалтийско-финских праязыковых геминат *kk*, *tt*, *pp* одиночных согласных (ср. т. к.: *pert'i*, *čirpi*, *čirku*, *talta*, *kirpu*). Сокращение геминат в данной конкретной позиции возводится исследователями к периоду самостоятельного развития отдельных диалектов карельского языка, поскольку, в отличие от сочетаний согласных *rd*, *rb*, *rg*, *ld*, в рассматриваемых случаях озвончение смычно-взрывных не произошло.¹⁰⁸ Представительство в тексте одиночных согласных, таким образом, может быть объяснимо фонетическими особенностями воспринимающего русского языка.

Система согласных языка памятника изобилует двучленными сочетаниями согласных. Для исконной карельской лексики характерны сочетания шумных с шумными (192. *Агъвень* 'окунь', 194. *Киськень* 'ерш') и сонорными (190. *Лэгъна* 'лещ', 274. *Озьра* 'ячмень'), а также сонорных с сонорными (163. *Герьне* 'горох', 385. *Кольме* 'три') и шумными (181. *Арьви* 'озеро', 193. *Шарьки* 'плотва'). Метатеза сочетания согласных *nh* по смежности, характерная для отдельных южнокарельских, в том числе тверских, а также ливвиковских и людиковских говоров, в словаре не нашла отражения: 199. *Танъгуа* 'двор', 357. *Ханъги* 'гусь' (ср. т. к.: *tanhuo* / *tahnio*, *hanhi* / *hahni*).

Фонологическая система

Материал памятника позволяет обнаружить примеры альтернации согласных, заключающейся в выпадении или замене другими согласными смычно-взрывных согласных компонентов последнего слога слова, выступающих в интервокальном или постконсонантном положении. Фонологическое явление проявляется в процессе словоизменения, когда смычно-взрывной согласный оказывается

¹⁰⁸ Leskinen E. Tulemajärven murteen vokalismi. Helsinki, 1933. S. 41.

в слабой позиции (в позиции закрытого слога). Поскольку формат словаря предполагает в основном фиксацию начальных форм слова, примеры, обнаруживающие чередование ступеней согласных, встречаются довольно редко. В перечне для фиксации имен зачастую используются формы номинатива множественного числа, обнаруживающие слабую ступень альтернации. Получить представление об отдельных видах фонологического явления позволяют также начальные формы двусловных имен, содержащие в себе обратное чередование ступеней согласных (их структура предполагает наличие закрытого слога в форме номинатива единственного числа). Хороший материал для анализа системы предоставляет обилие форм 2 лица единственного числа императива, а также некоторые другие формы спряжения глаголов. Этого материала достаточно для того, чтобы сделать вывод о довольно последовательном представительстве фонологического явления альтернации согласных в языке памятника и выявить основные его виды.

По характеру дифференциальных признаков альтернантов в карельском языке выделяются количественный и качественный виды чередования ступеней согласных.

Количественное чередование распространяется на смычно-взрывные геминаты и вызывает их сокращение. В словаре удалось обнаружить примеры трех видов количественной альтернации:

— *kk* : *k*: 36. *Túkatt* ‘волосы’ (ср. т. к.: *tukka* ‘волос’), 106. *Šu’katt* ‘чулки’ (ср. т. к.: *šukka* ‘чулок’);

— *tt* : *t*: 104. *Bátt* ‘холст’ (ср. т. к.: *vuattiet* ‘одежда’), 108. *Lánnatt* ‘лапти’ (ср. т. к.: *luarotti* ‘лапоты’), 444. *’Oma* ‘возьми’ (ср. т. к.: *ottua* ‘брать’), 446. *Géitta* ‘прекрати’ (ср. т. к.: *heit’iä* ‘прекращать’), 471. *’Ožutto* ‘покажи’ (ср. т. к.: *ožuttua* ‘показывать’);

— *čč* : *č*: 85. *Káča* ‘смотри’ (ср. т. к.: *kaččo* ‘смотреть’), 239. *Leikka* ‘режь ножом’ (ср. т. к.: *leikkua* ‘резать’, *veičči* ‘нож’), 145. *Heiččot* ‘девушка’ (ср. т. к.: *n’eiččyöt* ‘девушки’).

Качественное чередование ступеней согласных затрагивает смычно-взрывные согласные, находящиеся в интервокальной или постконсонантной позиции, в результате чего происходит замена этих согласных другими, их исчезновение или ассимиляция с предшествующими согласными.

Слабоступенным соответствием одиночных смычно-взрывных в представленных в тексте словаря фиксациях выступает нуль звука

или альтернант *v*, на выбор которого влияет качество предшествующего звука:

— **g/k : 0**: 12. *Páǵǵ* ‘град’ (ср. т. к.: *ragehet* ‘градины’), 270. *Puǵǵ* ‘рожь’ (ср. т. к.: *rugchet* ‘рожь’ ном. мн. ч.), 455. *máma* ‘спать’ (ср. т. к.: *taguan* ‘я сплю’),

— **d/t : v**: 451. *Ǟñǵ Ǟvǵva* ‘не свободен’ (ср. т. к.: *joudua* ‘иметь свободное время’).

Смычно-взрывные дентальный и билабиальный согласные в слабой ступени чередования ассимилируются с впереди стоящими сонорными согласными, образуя геминату:

— **nd/t : nn**: 443. *Ǟñǵna* ‘дай’ (ср. т. к.: *andua* ‘давать’);

— **mb/p : mm**: 261. *Lámǵmaǵǵ* ‘овца’ (ср. т. к.: *lambahat* ‘овцы’), 298. *Vémǵmǵel* ‘дуга’ (ср. т. к.: *vembel’et* ‘дуги’).

Палатальный смычно-взрывной, выступающий в той же позиции, выпадает:

— **lg/k : l**: 91. *Sǵǵle* ‘плюнь’ (ср. т. к.: *šyl’gie* ‘плевать’), 409. *Kélǵ-lalǵáǵmǵ* ‘колокольня’ (ср. т. к.: *jalga* ‘нога’).

Приведенные примеры обнаруживают отличие от современного представительства явления в тверских карельских говорах, в которых в слабой ступени обнаруживается гемината: *šyl’gie* : *šyl’l’e*, *jalga* : *jallat*. Выпадение палатального смычно-взрывного согласного характерно для севернокарельских, а также соседних с ними северных южнокарельских говоров собственно карельского наречия, тогда как в южных говорах, как и в ливвиковском наречии, в слабой ступени представлена гемината. Х. Лескинен объясняет отличие тем, что древнее ливвиковское наречие, в котором произошло уравнивание слабоступенных форм альтернации дентального и палатального смычно-взрывных согласных, оказало сильное влияние на язык Корельского уезда и привело к формированию южного диалекта древнекарельского языка.¹⁰⁹

Представительство явления в тексте памятника, в свою очередь, указывает на отсутствие в языке карельских переселенцев предполагаемого Х. Лескиневым ливвиковского влияния. Очевидно, нивелирование слабых ступеней дентального и палатального согласных, выступающих в позиции после сонорного согласного, произошло в тверских карельских говорах в ходе их самостоятельного развития.

¹⁰⁹ Leskinen H. Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta. S. 378.

Не исключено также, что описываемая особенность может указывать на наличие в языке памятника финского компонента, поскольку в финском языке явление представлено аналогичным образом.

Сочетание согласных *ng/nk* во всех диалектах карельского языка находится за рамками чередования, однако в словаре зафиксирована слабая ступень в случае 122. *Kéni ĵaŋkaš* ‘обуйся’ (ср. т. к.: *kengi jalgaš*), что может быть объяснимо восприятием через русскую фонетическую систему согласного *n*, получающего в позиции перед палатальным особую огласовку [ŋ], влияющую на качество всего сочетания.

Материал источника позволяет обнаружить достаточно большое количество примеров альтернации смычно-взрывных согласных, выступающих после щелевых *h*, *s*, *š* и смычно-взрывного *t* (чередование с нулем звука), что подтверждает наличие данного вида фонологического явления в древнекарельском языке:

— *tk* : *t*: 498. *Pétemel* ‘толкач’ (ср. т. к.: *pet'kel'et* ‘толкачи’);

— *ht* : *h*: 6. *Tágetel* ‘звезды’ (ср. т. к.: *t'äht'i* ‘звезда’), 282. *Ĵoŋeš* ‘сноп’ (ср. т. к.: *l'iyht'ehet* ‘снопы’), 421. *Maŋdámko* ‘умеешь ли’ (ср. т. к.: *mahtua* ‘уметь’), 176. *Táŋaš* ‘тесто’ (ср. т. к.: *tahtahah* ‘в тесто’);

— *st* : *s*: 177. *PáŋisA* ‘пеки’ (ср. т. к.: *paistua* ‘печь’), 437. *MuŋisA* ‘помни’ (ср. т. к.: *muistua* ‘помнить’);

— *št* : *š/šš*: 299. *Válaš* ‘запряги’ (ср. т. к.: *val'l'aštua* ‘запрягать’), 469. *Ošša* ‘купи’ (ср. т. к.: *oštua* ‘покупать’);

— *šk* : *z*: 434. *Kášim* ‘велел’ (ср. т. к.: *käškie* ‘велеть’).

Словоизменительная система

Формат словника, который имеет памятник, дает довольно скудный материал для анализа морфологической системы языка. Грамматическую информацию содержит некоторое количество словосочетаний и предложений, включенных в словарь.

Система **именного словоизменения** памятника представлена преимущественно формами номинатива единственного числа. **Множественное число номинатива** образуется при помощи форманта *-ть* / *-ть*: 39. *Šiŋl'metel* ‘глаза’, 56. *Šólať* ‘кишки’, 64. *Harťmátel* ‘плечи’, 72. *Pólvvetel* ‘колени’, 110. *Nuŋblat'el* ‘пуговицы’, 259. *Káŋbátel* ‘копыта’.

В тексте встречаются также редкие формы адессива: 239. *Leŋka vécel'el* ‘режь ножом’, 428. *Miŋla* ‘у меня’, 430. *teŋla* ‘у вас’; алла-

тива: 426. *Шивълу* 'тебе'; инессива: 465. *Кушь шоблитъ* 'где ты был'; партитива: 439. *Миддиана* 'что сказать'; генитива: 430. *Миунъ* 'мой'; транслатива: 421. *каръялашгкй / каръялджъши* 'по-карельски'. Кроме того в тексте можно отметить притяжательные суффиксы 1 и 2 лица единственного числа: 427. *Миуланъ* 'мне', 122. *Кени ялъкашъ* 'обуй свои ноги' (ср. т. к.: *kengi jalgaš*).

Из форм глагольного словоизменения наилучшим образом отражено 2 лицо единственного числа императива, что согласуется с фреквентативностью этой формы в речи. Форма совпадает с гласной основой глагола: 85. *Кача* 'смотри', 91. *Сюле* 'плюнь', 120. *Ви́ла* 'скрой', 169. *Шюа* 'ешь', 210. *Нобъже* 'встань', 381. *Лу́кку* 'закрой'.

Единичными примерами представлен 1 и н ф и н и т и в: 285. *"Эл-ни́тъмд* 'косить', 421. *пáисд* 'говорить', 455. *Лашькемáта* 'ложиться спать', а также индикативные формы презенса: 1 лица единственного числа: 88. *Ку́ланъ* 'слышу', 440. *Мага́нъ* 'умею', в том числе отрицательные: 451. *"Энь о́въва* 'не свободен', 441. *"Эмь мага́* 'не умею'; 3 лица единственного числа презенса: 462. *Ту́ловъ* 'будет', 492. *Та́кувъ* 'кует', 158. *Къ́гу* 'кипит', 517. *Кень кю́жю* 'кто спрашивает', 202. *Келья́ лямъ́па* 'келья топится' (в трех последних примерах лично-числовой показатель отсутствует, ср. т. к.: *kiehuw, kužuw, l'āmbiew*), 463. *"Эйту́л* 'не придет' (отрицание); а также форма 3 лица множественного числа: 419. *Зво́нита* 'звонят', которая отражает характерное для карельских говоров использование пассива в значении актива. В формах имперфекта обнаруживается наличие двух видов чередования гласных *e : o*, *a : o*, которое происходит при присоединении соответствующего словоизменительного показателя *-и / -ы*: 1 л. ед. ч.: 434. *Кáзимъ* 'велел', 445. *"Оты́нъ* 'взял', 449. *Лáкъши́нъ* 'пошел', 450. *Ту́лшнъ* 'пришел'; 2 л. ед. ч.: 465. *Ку́шь шоблитъ* 'где ты был', 510. *Мáнититъ* 'обманул'; 3 л. ед. ч.: 304. *Лáкъши́* 'поехал', 418. *Кóлш* 'умер' (ср. гласные основы в т. к.: *kāše-, ota-, lähe-, tule-, ole-, tuanita-, lähte-, kuole-*).

Представленные в словаре грамматические формы в целом совпадают с современной словоизменительной системой южнокарельских говоров собственно карельского наречия карельского языка. Скудность грамматического материала, однако, не позволяет сделать каких-либо более определенных выводов.

Проведенный лингвистический анализ языка словаря и его сравнение с современными тверскими карельскими говорами собственно

карельского наречия позволяет говорить об их относительной идентичности. Словник может отражать речь выходцев из Северного Приладожья, вынужденных в первой половине XVII в. переселиться в Центральную Россию. Очевидно, что в первые десятилетия пребывания в Верхневолжье изменения в их языке были минимальны. В последующие три столетия фонологическая и словоизменительная системы сохранялись довольно устойчиво, в отличие от наиболее подверженных влияниям извне фонетической и лексической систем. Анализ графо-фонетической системы позволил выявить ряд особенностей языка памятника, часть из которых можно определить как архаизмы, часть объясняется неточностью передачи карельской фонетики средствами кириллической графики того времени, а часть указывает на возможное наличие финского языкового компонента. Последнее обстоятельство в совокупности с дополнениями к словарю в виде ижорских и «чудских» (ингерманландских) фрагментов может свидетельствовать о том, что местом записи мог быть и Карельский перешеек, где в XVII веке южные собственно карельские говоры соседствовали с восточнофинскими. В середине XVII века язык тверских карелов, надо полагать, был еще идентичен приладожскому. Так что с точки зрения собственно языковой характеристики записи могли производиться как в Приладожье, так и в тверских землях. Собственно, и за последующие три с половиной столетия изменения очень незначительны, что подтверждает сравнение свода лексем словаря с данными современных тверских говоров.